

КИМ БАЛКОВ

ТРОПА ОТЧУЖДЕНИЯ

РАССКАЗ

Агния сидела на высокой ржавой завалинке низкой покосившейся избы с маленькими, тускло-серыми ввечеру окошками и тоскливо глядела на узкую просёлочную дорогу, которая при въезде в посёлье подкатывала к её дому и, уж обежавши его, круто выворачивала вправо, после чего спускалась в низинку, плотно заставленную деревенскими домами, многие из которых пришли нынче в запустенье.

Низинку обволакивал лёгкий, скользящий туман. Агния ждала сына. Обещался побродить по ближнему околотку, а потом пойти в лесок и заняться заготовкой дров. Дни-то уж сделались короче, а рыжее солнце, вяло опускавшееся за островерхие черномордые гольцы, поослабло в своём желании одаривать землю небесным теплом. Но было ли у него такое желание?.. Что-то Агния прежде не замечала и малой страсти, которую проявляло бы небесное светило. Иной раз промелькивала мысль, что солнце обиделось на неё. Она кожей чувствовала, хотя и не без смущения, что так оно и есть, но старалась поменьше думать об этом. Зачем смущать душу попусту?.. В незнанье-то и живётся легче.

Третьеводни по совету соседки-старухи, правда, не сказать, чтоб с большим желанием, Агния сходила в посельскую церковку, поставила свечки за упокой ближних, отошедших в иной мир, опять же и во здравие сына. Ну, и, конечно, кое-что, по малости, раздала нищевродам. Может, повременила бы с церковкой-то, погодила бы до воскресенья, если бы сын был дома. Но он, привычно впав в тягостное недоумение, с утра ушёл с отчего подворья. Она

Балков Ким Николаевич родился в 1937 г. в станции Большая Кудара Кяхтинского района Республики Бурятия. Окончил Иркутский государственный университет. Член Союза писателей России с 1971 года. Автор более двадцати книг прозы. Лауреат Государственной премии Бурятии. Живет в Иркутске.

крадучись, прячась за палисадами, ловча, чтоб сын не заметил её, потянулась следом за ним, тогда-то и увидела, как он забрёл в худосочный березовый колок, зависший над морем, где было посельское кладбище, и сел на поваленное ветром дерево, а потом тихонько, по-щелячьи визгливо, зависнув над ближней могилкой, заплакал. У Агнии защемило на сердце, и она привычно подумала о своей вине перед сыном. В последние три года, отойдя от прежней заблудыжной жизни, она не расставалась с этой виною. И, когда та наваливалась, а случалось это часто, в последнее время особенно часто, делалось ей не по себе, как если бы намеренно обманывала кого-то. Впрочем, почему же — кого-то? Скорей всего — себя. Мнилось, что она сознательно уходила от того, что толкалось в душе и было способно поломать её в сердечном напряге. И когда напряг усиливался, Агния видела покойную Нюру и спрашивала:

— Ну, и где ты нынче? Чем зымаешься?..

— А чё я?.. — отвечала Нюра. — Подобно птичке, летаю с одного края небушка до другого, слушаю тишину. Тут, промеж других теней, ни к чему не влекуще и никуда не поспешаще. Это меня устраивает. Придёт время, и ты окунешься в небесную круговерть, и твоей души коснётся Божий свет.

— Но пока-то в моей душе токо смута. И вина перед сыном, про её ты знаешь не понаслышке, делается порой и вовсе нестерпимой.

Время спустя тень Нюры, а это и была тень, слабая и колеблемая, повторяющая очертания её тела, каким Агния помнила его, исчезла. И тут же она увидела, как сын, прихрамывая, — у него была давнишняя хромота, вызванная детским параличом, — вышел из колка и потянулся к высокому в здешних местах, сплошь в камнях, байкальскому берегу. И там пребывал долго, сидя на мшистом валуне и глядя, как весело и поспешно, чуть ли не вперегонки, накатывали на берег среброликие волны. А потом новость что привиделось Агнии, будто-де в какой-то момент к сыну подсел некто опять-таки похожий не на человека, а, скорее, на тень его. Помешкав, тень заговорила с сыном. Агния не разобрала слов, а жаль. Как выяснилось потом, тот никого не разглядел подле себя и удивился, когда она сказала ему об этом. Он удивился и тому, что она пошла за ним... Зачем?.. “А если б кто-то увидел, что сказал бы?” В свою очередь, и она удивилась: да какое ей дело до кого-то ещё, кроме сына?.. Она и прежде не хотела знать, что говорили про неё в поселье. Уж так повелось, что вроде бы жила рядом со всеми, а вместе с тем далеко отсюда. Всё-то мнилось, что недолюбливают её в поселье и посмеиваются над ней. Ну да, было время, когда она дала волю чувствам. Те гнали её с места на место, сталкивались, переплетались, и не скажешь, отчего пришло это чувство, а не другое, и отчего они, несхожие, делались надобны ей. Но только до поры, пока не наскучивали. А потом она прогоняла их и устремлялась в погоню за новым чувством. И ей едва ли не всегда удавалось добиться своего, хотя она и не прилагала к этому особенных усилий, и можно было подумать, что они все жили в её сердце и охотно подчинялись ей. Наверное, так. Как же ещё-то?..

Агния многого не понимала в сыне, как, впрочем, кажется, и он в ней. А не то почему бы, когда она возилась на малом огородец, который в своё время вскопала Нюра, и просила его что-нибудь сделать, сын удивлённо округлял глаза. А порой и того хуже: как бы не услышав, продолжал сидеть на старом щербатом крыльце и ловко перебирал длинными жёлтыми пальцами круглые бусы, нанизанные на толстую чёрную нитку. Эти бусы достались ему от Нюры, которая при жизни редко когда расставалась с ними, разве что когда возилась в огородец или брала в руки тяжёлый колун и, зайдя в дровяник и поставив на попа толстое суковатое полено, норовила расколоть его. У Нюры редко когда выпадала свободная минута. Когда б Агния не приехала, та была занята делом. Видать, потому в своё время и пришлась она Агнии по душе, что ничего для себя не требовала и терпеливо сносила всё, что ни выкинула бы хозяйка избы, баба своенравная и крутая. Ну да, да, такой она стала после смерти мужа, смерти никем не ожидаемой, случайной. Был Игнат мужик крепкий, ни на что никогда не жаловался, казалось, сносу ему не будет. Ан нет... Пришёл как-то из лесу, пуще свычного смурной и вроде бы смущённый чем-то. А и впрямь — смущённый. Про то и поведал Агнии, а ещё

про то, что повстречал на лесосечной делянке маленького голощёкого старичка, и тот, помахивая перед своим востреньким белым лицом цветущей черёмуховой веточкой, что само по себе было удивительно, — на дворе-то стоял октябрь, а не конец мая, когда зацветает черёмуха, — сказал:

— А тебя, Гнат, заждались в другом свете. Просили передать, чтоб не задерживался, на седмице чтоб был...

Сказал и исчез, так что Игнат попервости подумал, что и не было его вовсе. Но что-то в душе подсказало: был он... Непонятно только, кем засланный? Но, надо полагать, силой властной и никому не подчиняемой.

Агния, было, переполошилась, но после ахов да вздохов взяла себя в руки и мужу велела не раскисать. Но тут же и засмушалась: сроду не указывала она ему, как вести себя. Кажется, и он удивился, но промолчал и, хмыкнув в толстый рыжий ус, завалился на диван.

После смерти мужа Агния, справно несшая выпавшую на её долю ношу, вроде как сошла с рельсов. Забросила огородец, который через месяц зарос польнь-травой и разной дурниной, коей и названия-то не сыщешь. И в избе чуть только и помашет венчиком, а уж половую тряпку и вовсе перестала брать в руки. Когда же те из соседских баб, с кем прежде зналась, пытались вразумить её, отвечала:

— А зачем?..

— Ну, как же так? Ведь ты не одна, у тебя сын, и за ём родительский догляд требуется.

Агния не сразу могла понять, о чём хлопочут бабы, смотрела на них едва ли не с живым интересом в потускневших в последнее время тёмно-синих глазах, спрашивала:

— Сын? Какой сын?..

Но тут до неё доходило, о чём они, она опускала глаза, как если бы засмушалась, и долго стояла так. В конце концов, говорила:

— Да, конечно... Тут не всё просто.

Скрывалась в словах Агнии какая-то неприятно щекочущая нервы загадочность, и это оттолкнуло баб от неё. Они почти что все одновременно перестали общаться с ней. Она не сразу обратила на это внимание, но когда поняла, в чём тут дело, в её глазах зажглось что-то смутное и что-то охлаждающее шевельнулось в душе. Она как бы хотела сказать: “Ах, вы так? Ну, тогда я этак!” Да, что-то сломалось в ней. Когда же на сердце сделалось и вовсе щемяще, почувствовала в себе перемену, которая не обрадовала, но, впрочем, и не огорчила. Мало-помалу стали приходить мысли и вовсе не свойственные ей, как бы даже привнесённые извне, про то, что она ещё молодая, и, даст Бог, у неё ещё всё наладится. Привыкши во всём полагаться на человека, который был много лет рядом с нею и которого она если и не любила, то уважала, Агния, оставшись одна, растерялась. Но однажды повстречала в райцентре, куда в последнее время стала часто наезжать, маленькую женщину лет сорока пяти, и та чем-то поглянулась ей. Может, робостью, что никак не исчезала из её больших серых глаз и лёгкими скользящими тенями падала на смуглое длинное лицо. И она решительно, с некоторой даже домовитостью в голосе заговорила с нею. Тогда и узнала, что женщина было родом с Урала и долгое время работала при монастыре прачкой, но как-то батюшка, понаблюдав за нею, велел повечёру, после службы, зайти к нему. И она пришла, и батюшка сказал, что не дело это — жить при монастыре и не быть монашкой.

— Я думаю, — сказал он, — тебе лучше пожить в миру. Приглядеться к людям, поискать в душе. А там видно будет.

И Нюра, а ту женщину так и звали, согласилась с ним. Она и сама чувствовала себя неловко рядом с монашками, как если бы без спросу влезла в чужую семью и теперь живёт другой, вроде бы и не принадлежащей ей жизнью. А и в самом-то деле, если монашки дни напролёт посвящали себя служению Господу, то она нет-нет, да и задумывалась о мирской жизни, хотя, правду сказать, немного чего, проведя десять лет на монастырском подворье, помнила из неё. Разве только то, что было связано с сыном, которого потеряла, когда ему исполнилось три года. Лечащий врач тогда сказал Нюре, что у сына врождённый порок сердца и что она поздно обратилась

к доктору, и теперь он бессилён что-либо поправить. Ребёнок умер, и Нюра впала в отчаяние. Сумеречное, отвращающее от людей. Впрочем, винила она во всём только себя. Уж так вышло, что забеременела она не от мужа, которого у неё никогда не было, а от прохожего молодца, про которого ничего не знала и даже имени его не запомнила. Думала, что, поддавшись страсти, она согрешила против Господа, за что и наказана была столь жестоко. И ей нет места среди людей. И, кто знает, чем бы всё закончилось, если бы ноги сами собой не привели её на монастырский двор.

— Как я понимаю, тебе некуда идти?.. — спросила Агния. Она не знала, почему так сказала. Наверное, потому, что женщина в чёрном с головы до пят одетая выглядела уж очень потерянной, жалкой. — А дорога в монастырь, как я понимаю, для тебя пока закрыта. Иль не так?

— Так, — вздохнула Нюра, смутившись. На круглом, с остро выступающими скулами, смуглом лице её выступил лёгкий румянец. Но, может, это был не румянец, а что-то другое, к примеру, светлая тень, павшая на её лицо с высоченного гольца, зависшего над сибирским морем? Во всяком случае, так хотелось думать Агнии. А почему, она и не сказала бы. Да и отчего бы стала она говорить это? У неё возникло чувство, что она давно знала эту женщину. Странно...

— Я вот чё хочу предложить: ежели некуда идти, поживи у меня. А то мне скучно одной. — Про сына она и не вспомнила, как если бы его и вовсе не было. Чудно! Хотя чего уж тут, и раньше-то едва замечала его. А почему? Попробуй, пойми!..

Нюра не возражала. Ей и впрямь некуда было идти. Да и находилась она после того, как покинула монастырь. Куда только не заносила её нелёгкая!.. Кажется, в Подлеморье не сыщешь посёлка, где бы она не бывала. И она охотно, прихватив небольшой узелок с вещичками, пошла следом за женщиной, которая назвалась Агнией и выглядела не сказать, чтоб молодо, как не сказать, чтоб старше своих тридцати с небольшим. У неё было длинное сухое лицо с большими, зелено отсвечивающими глазами и с прямым, тонким, чуть вздёрнутым носом. Лицо из-за нанесённого на него слоя пудры утратило прежний свой окрас, надо быть, смугловатый, с малой рыжиной, столь характерный для здешних женщин. Длинные, слегка припухлые губы тоже меняли окрас из-за яркой жёлтой помады.

“Ну, зачем она так? — подумала Нюра. — Только портит себя”.

Нюра ещё не успела отойти от этой мысли, когда услышала с лёгким раздражением произнесённое Агнией:

— А ты не удивляйся. Не удивляйся. Чего ж мне ишо остаётся, одинокой да свободной?.. Самое время заняться своей внешностью и хоть немного пожить для себя.

— Это как?.. — не поняла Нюра.

Агния вдруг вспыхнула, подле глаз, растолкав слой пудры, выступили тонкие острые морщинки. Сказала жёстко:

— Не строй из себя дурочку-то!

Слава Богу, к этому времени подошла “Матаня” — поезд местного назначения, привычно неприбранный, дивно похожий на бомжа в рваных штанах и в замасленной куртке, случайно оказавшегося в подвыпившей компании рыночных торговцев, одетых с иголочки во всё импортное. Разве что носки у них были местного производства и страшно воняли.

Нюра не без труда, оттесняя тех, кто был послабей, и оттого страшно смущаясь, пролезла в вагон следом за Агнией. Та оказалась энергичней, чем она, сумела занять место в дальнем купе и поманила к себе Нюру. Но Нюра не могла и рукой пошевелить, а потому так и простояла всю дорогу в проходе. Боялась, что задохнётся: уж больно душно было в вагоне. Но, слава Богу, обошлось. Вылезла на каком-то полустанке, пошла следом за Агнией по узкой улочке, зажатой серыми избами, нередко нежилыми, с заколоченными крест-накрест окнами. Пройдя коротким, заваленным мусором переулком, близ которого кружило чёрное воронье, Нюра, сама того не ожидая от себя, поднесла руку ко лбу и перекрестилась. А потом она упёрлась в низкие, зависшие набок воротца и не знала, куда идти дальше: на какое-то время по-

теряла из виду Агнию. Но недолго пребывала она в смущении — увидела Агнию на пороге низкорослого дома, утопающего в дурнотравье и смотрящего парой круглых глазастых окошек на чёрный угрюмый голец, зависший над долиной, где раскинулось поселье. Агния стояла, распахнув дверь, и с досадой поглядывала на неё. Невесть почему в её сердце родилась досада. Но, может статься, и оттого, что новая знакомая проявляла робость даже там, где её, по мнению Агнии, не должно было быть. К примеру, с чего бы Нюра — так, кажется, её зовут? — когда шла по улочке, увидев, как накренился соседский дом, сказала с испугом:

— А изба-то не завалится? Ить в ограде ребятишки возюта. Как бы не придавило...

Агния обронила с лёгким раздражением:

— Ничё не случится. Уж скоко лет стоит этот дом мордой в землю и не падает. А кавды упадёт, дык чё?.. Тебе-то како дело?

— Дык ребятишки... — неуверенно сказала Нюра. — Жалко ж!..

Потом она зашла в избу с низким крашеным потолком и с широкой печкой посередине кухни, с круглым столом, заставленным немытой посудой. Это вызвало у неё недоумение. Впрочем, скоро от него не осталось и малюго следа. На кухню из горницы вышел худотельый длинноногий паренёк лет четырнадцати и остановился напротив неё. У Нюры зашлось сердце, она вдруг почувствовала в ногах невероятную слабость и упала бы, если б паренёк не поддержал её. Но, слава Богу, тот не растерялся и спросил не без участия осипшим, видать, застуженным голосом:

— Что с вами?..

Лицо у него было светлое, чуть только тронутое загаром, а губы тонкие и синие. Подле них, ближе к острому подбородку, Нюра заметила маленькую родинку, тоже синюю и слегка припухлую. У её сына была такая же родинка, и Нюра, случалось, взяв ребёнка на руки, подолгу разглядывала её. Чудно, Нюра не хотела бы этого, но так получалось, вроде бы кто-то подталкивал её со стороны. Хотя это, конечно же, было не так, и она понимала, что так быть не могло, но никак с собой ей было не сладить. Иной раз в голову невесть что приходило, но чаще — волнительное и сулящее надежду, и тогда на сердце делалось томяще-сладостно, и она, качая на руках ребёнка, говорила взахлёб, боясь остудить радость, которая так и жгла её:

— Ты будешь удачлив в жизни, Ваньча. Вон и родинка у тебя подле губ. Люди сказывают, это к счастью. Токо не пойму, пошто она синяя-то? Иль воздуху ей не хватает? Да отчего бы?.. Я ж с тобой и на улочке гуляю, и в парк опять же вожу.

Она тогда жила на окраине одного захиревшего волжского городка в рабочем бараке, который власти всё грозились снести, а людей переселить в новые квартиры. Но так и не снесли... Может, позже и снесли, только она этого уже не увидела — далеко была.

Нюра во все глаза смотрела на паренёка и в какой-то момент заметила, что и у него синяя родинка подле губ. Чудно. И у её сына была такая же, и это смущало её. Бывало, спрашивала: “Может, тебе не хватает молока? Иль то, которо беру у соседки, не нравится? А оно и вправду жидкое, похоже на обрат. Хошь, буду брать молоко у Парескевы? У её коза — у-у, кака здоровуша, вымя прям по земле ташшит. Хошь?..”

Она смотрела в глаза мальцу, точно ждала от него чего-то. Но что он мог ответить ей? Ему тогда и трёх лет не было. А потом... О, Господи, отчего он вдруг захворал, да так шибко, что и в больничке, куда его отвезли, не смогли ему помочь? А ведь вроде бы ещё вчера бегал по комнате, бормоча что-то под нос и раскидывая игрушки. Их, впрочем, у него было не так уж много, и чаще были они вырезаны из дерева. Спасибо старику-соседу — прикипел сердцем к малышу и, захаживая к ним раз в месяц после пенсии, непременно приносил какую ни то поделку. А больше-то к ним никто и не ходил.

Нюра какое-то время после похорон сына пожила в пустой комнате, перекладывая с места на место игрушки, а потом, проведя сороковины, собрала узел кое с какими вещичками и ближе к вечеру села в поезд, который шёл на восток. Она не знала, куда ехала и зачем. Но чувствовала: тут, где всё напо-

минает о сыне, ей нельзя оставаться, ещё немного, и она тронется умом, и уж тогда точно больше никогда не увидит сына. А так ещё есть надежда, что ему наскучит лежать в сырой земле, и он встанет и снова увидит бел-свет, а вместе с ним и свою маму, и протянет к ней ручонки, и скажет... Тут она обыкновенно терялась и не могла придумать: что же он ей скажет?.. Хотя, по правде говоря, это не шибко волновало её. Важно, что он опять будет рядом с ней, хотя бы это произошло далеко отсюда, в краю холодном и неизвестном, куда она решила поехать. Не зря ж говорят: для людских душ вся земля — как на ладони, сын непременно отыщет её среди множества других людей.

Нюра всю Сибирь исходила вдоль и поперёк. И, наверно, до сей поры не сошла бы с тропы странствий, если бы однажды не повстречала в голой, измученной шальными ветрами степи старую монахиню. Та и привела её, худотелую и душевно ослабленную, на обширное монастырское подворье. Тут она вроде бы опамятавалась и уж говорила не только об умершем сыне, а и о чём-то ещё, что касалось её проживания в монастыре, а потом, пообвыкнув, стала помогать монашкам по хозяйству.

Нюра стояла и напряжённо смотрела на паренька. То, что совершалось нынче душе у неё, мало-помалу передалось и Агнии, и её сыну. Они тоже почувствовали нечто сходное с душевной тревогой. И отнеслись к этому поразному: Агния — со злым недоумением, а сын её — со смущением, в котором было немало жалости к гостье, что стояла потерянная у них на пороге. В какой-то момент невесть почему, но, скорей, от сердечного неуютя, и прежде приходившего к нему, когда он надолго оставался в избе один, показалось ему, что он виноват перед этой женщиной, хотя не мог вспомнить, чтобы встречался с нею. Да, он прежде не встречался с нею, но отчего-то ему не хотелось так думать. Что-то родственное уловил он в её широко распахнутых на мир глазах, в том, с какой откровенной радостью она смотрела на него. Он мог бы и расплакаться — никто ещё так не смотрел на него! — когда б не знал, что это не понравилось бы матери.

Меж тем Нюра протянула к нему худые, в розовых цыпках руки и спросила слабым дрожащим голосом:

— Ваньча, это ты?..

— Да, — сказал паренёк, смутившись. — Я Иван... Но откуда вы знаете, как меня зовут?

— А пошто я не должна знать о своём сыне? Я, правда, не видала тебя десять лет. Но всё это время ты жил в моём сердце. И я часто мысленно говорила с тобой, заметно повзрослевшим, однако всё с тою же родинкой подле губ и с тихой грустью в глазах. И откель бы ей взяться? — спросила она и усмехнулась устало: — Да, поди, всё оттуда же. От меня, стало быть. Мне монашенки говорили при расставанье: “В миру надо быть другой, понастырней, чё ли?.. А не то растопчут... Там, в миру-то, иной раз жуть как страшно”. Я слушала, но думала о другом, о том, стало быть, что стану делать, когда встречусь с сыном? И вот встрелась, и... все слова куда-то подевались. А ить скоко раз повторяла их, другая наизусть выучила бы, а я...

Женщина говорила поспешно, надо думать, опасалась, что вдруг да прервут её, и она не успеет сказать всего, о чём намеревалась сказать. Паренёк заметил это, и ему стало не по себе, и он, чтоб заглушить то, что подымалось из нутра и напоминало смущение, однако ж не было смущением, но чувством более глубоким и сильным, спросил:

— Так вы были в монастыре?..

— И там тоже после того, как ты... — Она замолчала, испуганно глядя на него. И не сразу пришла в себя. Всё стягивала с головы косынку, да так и не смогла снять. Руки не слушались, а пальцы сделались как деревянные, порой улавливала, как они беспомощно трутся друг о дружку, словно бы норовя согреться и не умея этого сделать. Вот напасть-то!..

Агния стояла рядом с Нюрой в тесной кухонке у маленького круглого окошка — рослая, с наброшенным на сильные загорелые плечи жёлтым, с кисточками, платком, — и загораживала дневной свет.

Паренёк, преодолев чувство, которое вдруг посетило его, сказал, с участием поглядев на рыжеволосую женщину, которая переминалась с ноги на

ногу и жалостливо взмахивала смуглыми руками, поскольку не могла найти нужное слово:

— Давайте пройдем в горницу. Чего мы тут стоим?

— Нет, погодите! — сказала Агния. По правде-то, она не поняла, о чём говорил её сын с этой женщиной, которую она подобрала в райцентре. Она так и подумала: “подбрала”, как кем-то за ненадобностью выброшенную вещь. И не потому же, что та была одета, как монахиня, во всё чёрное, хотя, судя по всему, не была ею, — Агнию не обманешь, глаз у неё намётанный, — для полного сходства с монахиней Нюре не хватало душевного спокойствия, — безропотно потянулась следом за нею?.. Агнию раздражало, хотя и не шибко, что Нюра смотрела на Ивана так, как если бы раньше виделась с ним. Но откуда?.. Уж она-то знала бы об этом! Час-другой назад она думала, что встреченная ею женщина желала бы только, чтобы у неё была крыша над головой да на столе кусок хлеба. Она и теперь, хотя на сердце скребло, и надо было приложить усилия, чтоб снять с души неладное, считала, что не прогадала, пригласив незнакомку пожить в отчем доме. Агнию устраивала эта женщина: приехала издалека, ни с кем из местного люда не зналась, была тихая и какая-то не уверенная в себе. То есть такая, какая и нужна была Агнии, вознамерившейся поменять свою жизнь. Она уже давно подыскивала человека, кто следил бы за избой, вёл бы немудрящее хозяйство, да и за сыном приглядывал бы, когда её самой не было дома.

Да, она так думала, но, понаблюдав за гостьей, вдруг засомневалась: “Может, поискать кого другого?..” Но тут же оборвала себя: “Э, где наша не пропадала! А бабёнка никак с приветом? Не то пошто бы она решила, что Иван — её сын? Хотя... пущай так считает. Зато у меня будут развязаны руки. Иль не этого я хотела?..”

— А чего ждуть?.. — сказал паренёк. Агния, привыкнув к тому, что сын и в малом не перечил ей, удивилась, что он проявил такую прыть. Но промолчала.

На сердце у неё что-то стронулось, и спустя немного времени, сама того не ожидая от себя, сказала:

— А и то...

Ближе к вечеру Агния провела Нюру по двору, показала, где что лежит и что надо делать, а от чего лучше держаться подальше.

И пошло, и поехало. И через какое-то время стало не узнать Агнию. Она, как если бы вселился в неё окаянный, сделалась не похожа на себя. Во всякую пору приметная, и не то, чтоб с виду, тут мало кто из баб на поселье мог сравниться с нею, с её укладистой статью да с яркой выпуклостью розовых губ, чуть подрагивающих в уголках круглого, в тонких морщинках, рта, когда она улыбалась, хотя улыбалась она редко, точно бы робела чего-то в себе ли самой, в ближнем ли окружении, а и тем, что сохраняла в душе терпеливо и надёжно. Многие хотели бы понять, что она там сохраняла, но никто не мог дознаться. Да и кто бы откровенно мог проявить такое желание, коли она каждодневно находилась под присмотром строгого мужа и ни с кем не общалась. Впрочем, кое-кто понастырней пытался поговорить с Агнией, но всякий раз, стоило лишь уловить нечто, промелькнувшее у неё в глазах, и не сказать, чтоб путающее, как не сказать, чтоб притягивающее к себе, замолкал, осекшись, и лишь спустя день-другой со смущением говорил, что Агния-то, видать, не в себе, и в глазах у неё муть какая-то... “А не то пошто бы, чуть только отойдя от меня, остановилась бы она посреди улицы и, задрав голову, долго глядела окаянно большими глазами, на доньшке которых чтой-то всё плавало, вроде бы как отражение небесного облачка, в смурное небо и криво улыбалась чему-то? Чему бы?..” Но сама-то Агния знала ли, чему?.. Может статься, Боженьке, про Которого она думала, что Он добрый и не обидит? А может, и не Боженьке, ещё кому-то, но тоже сильному и властному над её душой? Иной раз она смущалась своих мыслей и хотела бы избавиться от них, порой жутко настырных и дерзких. И не всегда это удавалось. Подчас накотившее на Агнию держалось долго. Всё ж лишь до тех пор, пока муж привычно насмешливо не спрашивал у неё:

— Ну, чё там опять в душе-то у тебя, кака заковыка? Чё, опять крутит? Слухаю!..

И она, зябко поёживаясь, порой переступала через робость перед мужем и говорила про то, отчего остановилась нынче посреди улицы и долго глядела в небо, и чего увидела там, а ещё про то, что хотела бы увидеть. И говорила обыкновенно негромко и ни к чему не влекуще, понимая, что мужу вовсе не хочется знать про то, о чём она сказывала, да он и не слушает её вовсе и смотрит куда-то в сторону.

Агния так свыклась со своим положением, что и помыслить не могла, что однажды всё поменяется, и она делается свободна и ни от кого не зависима, и не надо будет пытаться угодить человеку, который жил рядом с нею и пользовался её телом, когда ему вздумается, и ни разу за те годы, что прожила с ним под одной крышей, не спросил: “А сама-то ты хочешь ли этого?..”

В избу, мастеровито складенную, стоящую на косогоре, на выходе из поселка, зная про нелюдимый характер хозяина, никто не захаживал. Попервости Агния удивлялась: ну, как же можно всё одному-то?.. Выросши в райцентре в семье работяги, она и представить себе такого не могла. Но то и забавно, что через малое время сделалась и она похожа на мужа, и если кто-то подтягивался к их подворью, настораживалась и спрашивала озабоченно у мужа:

— Ну, чём ему надо? Чё он тут потерял?..

Всё так и было. Но однажды муж, придя с работы, не сел привычно за кухонный стол, а сразу прошёл в горницу и завалился, едва стгнув с себя мокрую брезентуху, на кровать, застеленную лёгким шёлковым покрывалом. Агния удивилась, но ни о чём его не спросила. Подвинула к кровати стул, готовая в любую минуту вскочить на ноги, если он попросит чего-либо подать. Но он молчал, и лицо у него было белое-белое, как если бы и вовсе не тронутое загаром. Но вот он повернул к ней голову, хмуро поглядел на неё и сказал задыхливо:

— Кажись, я надорвал жилы на лесоповале. Вальщик-мудила сделал худой надрез, и дерево пошло не туда... Там люди... палатка... Я подбежал к дереву, навалился на его, пытаюсь отвести в сторону. И тут чегой-то треснуло во мне. Худо!

Когда бы только худо... Но он, кажется, и сам не знал этого. А ночью... Мда, ночью он вдруг застонал, закрипел зубами... Агния сделалась сама не своя, побежала к соседям. Но, когда те пришли, муж был уже мёртв.

После похорон Агнию всё чаще стали посещать разные мысли, может, свои, но, может, чьи-то ещё, к примеру, нашёптываемые нечистой силой. И вот однажды она почувствовала на сердце нечто, освобождающее от прежних уз, нечто, сулящее не то, чтоб радость, вроде бы неоткуда той взяться, но что-то сходное с нею, шальной и дерзкой, и — невольно улыбнулась. И тут увидела рыжекудрого мальчугана, понуро склонившегося над кухонным столом, и долго не могла понять, кто это и что ему тут понадобилось?.. Всё же чуть позже до неё дошло, что это её сын. Она намеревалась подойти к нему и прикоснуться рукой к его рыжеволосой голове, но только подумала об этом. Её остановило то, что прежде она никогда так не делала. А почему? Кто знает! Никто от неё этого не требовал, а она не испытывала к сыну никаких чувств. Всё в её существовании в ту пору было занято мужем: чтобы ещё такое сделать, чтоб он одобрительно крикнул, а то и сказал бы:

— Ну и ну...

Агния провела девятины. На них пришли мужики с лесоповала во главе с густобровым широкоскулым бригадиром да пара-другая соседок, коим до всего есть дело. А днём позже Агния наказала сыну вести себя примерно и уехала в райцентр.

Теперь её часто можно было увидеть на пыльных, задыхающихся от гниющего мусора, сызмала памятных ей улочках. Мало-помалу она стала приходить в себя. Но, может, и не так вовсе, а как-то по-другому. Отойдя от прежней своей жизни, дивясь ей, а пуще всего тому, какой покорной мужу она была, она поменялась: в ней постепенно верх стало брать то, что искони обитало в душе её, но о чём она и подумать не смела, задавленная чужой властью. Это сердечное состояние, сказавшее ей, что нынче она другая, укрепилось, когда повстречала она подружек своей юности. Она не узнала их, зато они узнали её. Разбитные и весёлые, кому всё трын-трава, они взяли её

под своё крыло. И спустя немного времени она уж ничем не отличалась от них. При случае могла выпить рюмку-другую водки, а то и прошевырнуться по грязным дощатым тротуаром с забулдыжного толку мужиком, а при случае, ничего в себе не страгивая, и переспать с ним. И почти не вспоминала о рыжеголовом пацане, которого оставила в поселке с малоознакомой женщиной. Впрочем, раз в месяц Агния, к тому времени сыскавшее себе жильё в уездном городке, а потом и какую ни то работёнку — деньги-то, которые оставил супруг, закончились, а жить-то надо было, да так, чтоб не больно-то зажимать себя в расходах, — навещивалась в поселке. С сыном она не говорила. Сдерживало её то, как он смотрел на неё, подчас испуганно, но чаще отстранённо, как на что-то чуждое его духу. Отчего так происходило, она не знала и не хотела знать. Она видела, как сын при всякой надобности подходил к Нюре и говорил с нею, кажется, обо всём, что его волновало, без какой бы то ни было робости и, кажется, тяготился присутствием матери. Впрочем, ей тоже не больно-то глянулось в мужнином доме, и она не задерживалась в поселке. И только когда садилась в вагон, облегчённо вздыхала.

Так всё и было. И, кажется, это её устраивало. Но однажды случилась беда: Нюра заболела и померла. Фельдшерница, приехавшая из райцентра по вызову, сказала, что у неё было больное сердце. И то, что случилось с нею, рано или поздно должно было случиться. Удивительно, как она прожила столько лет с надорванным сердцем. Агния тогда приехала в поселке, занялась похоронами и сразу обратила внимание на то, как сильно изменился сын. Он вроде бы уже вовсе не замечал её, а когда пришли на кладбище и опустили в яму чёрный гроб с Нюриным телом, он вдруг упал на землю и забился в истерике и всё время выкрикивал:

— Мама... Мамочка, как же я? Что же я без тебя стану делать? Пропаду некоесь!..

Она пыталась утешить его, но он так глянул на неё, что всё внутри у Агнии похолодело. И она поспешила уехать из поселка. Но через неделю, вдруг ощутив в душе пустоту и уж ничему не радуясь, подталкиваемая постоянной щемотой на сердце, вернулась. С тех пор уж и никуда не уезжала из поселка.

Агния сидела на высокой ржавой завалинке и ждала сына. Это теперь стало её единственным занятием, которому она предавалась с охотой. Нет, она, конечно же, прибирала в избе, а то и возилась в огороде, но как-то вяло, не проявляя интереса к тому, чем были заняты её руки. Но когда приходил сын, она делалась как бы сама не своя и всё что-то бормотала себе под нос, иной раз тянула к рыжеголовому пацану руки, но он точно бы не замечал её и проходил мимо. Он никак не называл её, однако жить в одной избе и хотя бы изредка не общаться друг с другом было трудно, и в случае надобности он, подойдя к Агнии, ронял холодно, как это было нынче поутру:

— Я договорился с дядей Монею, нашим соседом. Он возьмёт меня в лес. А пошто бы и не взять? Чай, у него и лошадь есть. Может, и мне перепадёт дровишек. В прошлом-то годе, когда мама была жива, я ездил с ним. Так он не поскупился, и мы тогда горя не знали с дровишками-то...

А не далее как третьеводни сын сказал, не глядя на Агнию:

— Мама хотела, чтоб я побывал в том городке на Урале, где она раньше жила. И я, когда подрасту, обязательно туда съезжу.

Он сказал это, подойдя к иконке, которая стояла на полочке в горничном углу. Её в своё время привезла Нюра. И Агния всё собиралась сказать, чтоб она убрала её с глаз долой. Отчего-то невзлюбила она эту старенькую полувывцветшую иконку Божьей Матери, казалось, Она смотрит на Агнию с досадой. “Да пошто бы? Иль я в чём-то виновата?..” — думала иногда Агния. Но, видать, запоматовала, а может, ещё почему, но так и не сказала. Она теперь могла бы сделать по-своему. Кто ей помешает-то? Но отчего-то уже была не способна подвинуть себя к этому.

— Да, я съезжу-таки в тот городок. Отвезу иконку и передам в местную церковку. Мама прислала.

“Господи, что же это такое? — смятенно думала Агния, сидя на высокой ржавой завалинке. — Неужто я так и не найду дороги к сердцу сына?.. И что же тогда будет с ним, со мной? Куда ещё заведёт нас тропа отчужденья?.. Господи!”